

СМЕНА

17
1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Беседа корреспондента «Смены» с главным инженером проекта Куйбышевской гидроэлектростанции
Н. А. МАЛЫШЕВЫМ

— В среднем течении Волги, ниже впадения в неё Оки и Камы,— сообщил Н. А. Малышев,— только что началось строительство самой мощной в мире, Куйбышевской гидроэлектростанции. До сих пор самой крупной из законченных строительных станций считалась американская Бруадер-Дем на реке Колорадо, но Куйбышевская станция намного больше её.

Как известно из постановления Совета Министров СССР, мощность Куйбышевской гидроэлектростанции составит около 2 миллионов киловатт. Она ежегодно будет вырабатывать электроэнергии около 10 миллиардов киловатт-часов — намного больше, чем знаменитая Днепровская ГЭС.

Величайшие энергетические ресурсы самой большой реки в Европе, Волги, которые веками оставались неиспользованными, будут служить народному хозяйству страны.

6100 миллионов киловатт-часов электроэнергии ежегодно будут получать по 800-километровой высоковольтной линии передачи столица нашей Родины Москва.

2400 миллионов киловатт-часов получат районы горюлов Куйбышева и Саратов.

1500 миллионов киловатт-часов в год будут направлены на орошение земель Завольжья.

Завольские степи, издавна страдающие от частых засух, превратятся в цветущие, плодородные земли. В Завольжье на площади в один миллион гектаров будут построены мощные оросительные системы, а Волга снабдит их водой. Кроме этого электроэнергия Куйбышевской ГЭС будет использована для электрификации железных дорог. Постройка гидроэлектростанции улучшит судоходство на Волге и Каме.

Для того, чтобы построить Куйбышевский гидроузел, нужно будет произвести свыше 100 миллионов кубических метров земляных работ и уложить несколько миллионов кубических метров железобетонной кладки. Гидроузел будет состоять из гидроэлектростанции, бетонной водосливной плотины и судоходного шлюза. Всё это сооружение разместится на несколько километров. По плотине гидроэлектростанции пройдут магистральная железная и шоссевая дороги.

Огромная плотина значительно поднимет уровень воды Вол-

ги и образует гигантское водохранилище — больше всех существующих.

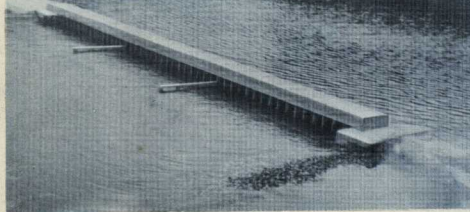
Постановлением Совета Министров СССР строительство Куйбышевской гидроэлектростанции должно быть закончено к 1955 году, а в 1956 году, как известно из нового постановления Совета Министров СССР, опубликованного в печати 31 августа, должна вступить в строй вторая крупнейшая гидроэлектростанция на Волге, близ Сталинграда, которая будет вырабатывать электроэнергию также около 10 миллиардов киловатт-часов. Но об этой гидроэлектростанции нужно говорить особо.

Выполнить столь гигантский объём работ в установленные сроки возможно только с помощью новейшей техники. Все работы будут максимально механизированы. На сооружении станции будут применены мощные экскаваторы. Электрические землесапы производительною до 1000 кубометров грунта в час будут разрабатывать котлованы и подвезать грунт для камня земляной плотины. Автоматизированные бетонные и камнедробильные комбинаты и множество других новейших механизмов и приспособлений сделают труд строителей гидроэлектростанции высокопроизводительным и неутомительным.

Осуществление такого гигантского строительства в невиданно короткий срок — яркое свидетельство неограниченных возможностей, таившихся в нашем народе, силы и могущества нашего социалистического государства, зрелости советской технической мысли.

Для управления этой техникой потребуются многочисленные кадры специалистов. Нужно будет помочь молодежи, и мы не сомневаемся, что эта помощь проявится в самой активной форме. Знаемительно, что решение о строительстве Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций принято в дни, когда американско-английские империалисты развязали преступную войну в Корее и готовятся к новым актам агрессии. У них — военный психоз, гонка вооружений, массовые убийства; у нас — мирный, созидательный труд, сооружение новых предприятий, забота об улучшении жизни людей.

Сталинский план строек на Волге, несомненно, вдохновит нашу молодежь на новые трудовые подвиги, вселит в сердца юношей и девушек чувство законной гордости за свою великую Родину, идущую по пути к коммунизму.

МОДЕЛЬ ПЛОТИНЫ КУЙБЫШЕВСКОГО ГИДРОУЗЛА

На берегах Волги строится величайшая в мире электростанция. В волжской воде отражается огни её корпусов, по проводам высоковольтной линии передачи погочёт «голубое золото» — электроэнергия.

Уже сегодня мы можем получить представление о грандиозности и величии этого сооружения.

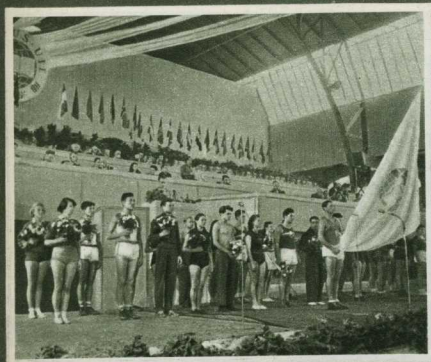
В одной из московских гидротехнических лабораторий создана действующая модель Куйбышевской электростанции размером в 1/340 натуральной величины. Водохранилище в 600 квадратных метров воспроизводит будущее водное зеркало Куйбышевского гидроузла. На правом берегу здание станции, к нему примыкает земляная плотина; дальше — бетонная водосливная плотина. На левом берегу находится ограждающая дамба и шлюзы для больших судов.

Проектировщики и строители на этой действующей модели изучают режими воды, решают сложные вопросы гидравлики

На снимках: общий вид модели; Людмила Шингина и Лена Зиновкина за измерением распределения скорости воды по глубине и ширине плотины.

СТУДЕНТЫ МИРА — ЗА МИР!

Десять дней работал в столице Чехословакии, гостеприимной Праге, Второй конгресс Международного союза студентов. Делегатов горячо приветствовали все стон молодежи свободной Чехословакии, все породевая молодежь мира. С горячим приветствием выступили на открытии конгресса и участники приехавших в Прагу студенческих спортивных соревнований.

Это была яркая, внушительная демонстрация единства широких масс молодой интеллигенции, ее верности делу мира и демократии, ее непреклонной решимости отстоять мир от прокисов американо-английских поджигателей войны. Представители студенчества свыше 70 стран, собравшиеся в огромном зале Дворца промышленности, сказали своё грозное «Нет!» войне.

Восторженными рукоплесканиями, здравницами в честь любимого вождя всех народов, знаменосца мира товарища Сталина, в честь героической советской молодежи встретили участники конгресса делегацию студенчества СССР. В составе советской делегации 27 человек, представителей студенчества всех 16 союзных республик. В числе делегатов аспирант Московской консерватории Т. Гусева (на переднем плане слева), доктор физико-математических наук С. Мергелян, студентка Ташкентского сельскохозяйственного института Герои Социалистического Труда М. Убайдуллаев, Герои Советского Союза, орденоносцы...

Особой любовью и вниманием были окружены посланцы студенчества героической Кореи. Рассказы членов делегации о подвиге бойцов корейской Народной армии полностью правдивы, тактичны и душевны. «Корейская молодежь не выпустит из рук оружие до полного освобождения родной земли!» — торжественно поплылся от имени корейских студентов руководитель делегации подполковник Кан Бук. «Да здравствует свобода Кореи!» — крики прости от Кореи! «Прекратить американскую интервенцию в Корею!» — гремел в ответ могучий голос всего передового студенчества.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь, № 17. 1950 год.

Год
издания
27-й

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЕДИНСТВА И ВОЛИ

Смотром сил молодых защитников мира справедливо называют Второй конгресс Международного союза студентов, происходивший в Праге с 14 по 24 августа этого года. Ещё не было в истории студенческого движения столько могучих демонстраций воле учащейся молодёжи и борьбе за мир, какой явился Пражский конгресс.

Начиная свой доклад на конгрессе, президент МСС И. Громкш сказал: — Тот факт, что я имею честь приветствовать делегатов почти от четырёх миллионов студентов из семидесяти восьми стран, в то время как в 1946 году МСС насчитывал полтора миллиона членов из тридцати восьми стран, говорит сам за себя и является веским доказательством роста МСС со времени его создания.

Единство и дружеское сотрудничество в борьбе против сил фашизма, против сил американско-английских реакционеров — вот что обеспечило рост рядов студенчества в его международном союзе. Каждое заседание, каждая встреча делегатов были полны свежести и силы.

Стоялольское воззвание вызвало среди студенческих организаций новый мощный подъём, активизировало их деятельность. С огромным воодушевлением, обсуждали делегаты конгресса важнейшие вопросы жизни учащейся молодёжи — вопросы борьбы за мир, за национальную независимость народов, за демократизацию образования.

В своей борьбе передовое студенчество мира берёт пример с героической советской молодёжи.

Решимость студентов бороться против всяких попыток разжечь новую войну особенно ярко выразилась в тот день, когда конгресс отмечал пятилетие освобождения Советской Армиию корейского народа от гнёта японского империализма. Когда на трибуну взошёл корейский студент из Сеула Ким Сон Фум, которого освободила из тюрьмы Народная Армия Кореи, все делегаты конгресса единодушно поднялись с мест.

Взволнованный голос корейского юноши звучал как суровое обвинение тем, кто ради наживы начал преступную войну в Корее. За голосами корейских студентов были слышны голоса миллионов корейцев — матерей, которых американские бомбардировщики убили детей, сирот, потерявших своих отцов и матерей, братьев, родных. Чувство большого волнения прокатилось по всему залу, когда корейский офицер вёс на трибуну винтовку и миномёт, взятые в бою с американскими интервентами. На эти орудия убийства стоит клеймо: «Сделано в США».

«Ужас прощ, от Кореи! Вон иностранные войска из Кореи!» — гремит под высокими сводами зала конгресса на всех языках мира.

Этот же клич звучал и на совместном митинге американских и корейских студентов, состоявшемся в колледже имени Масарика. Здесь выступил прогрессивные американские, желавшие знать правду о войне в Корее; здесь молодые американские борцы за мир торжественно клеймили агрессию и заставили правительство США вывести американские войска из Кореи.

На встрече советской делегации с французскими студентами французские вручили дорогой подарок: книжку Андре Марти «Восстание на Чёрном море», повествующую о героическом подвиге французских моряков, которые не хотели участвовать в авантюре французских империалистов, пытавшихся силой оружия поддаться молодой Советской республике. На фронтиссе этой книжки, испещрённой многочисленными подписями делегатов, стояла надпись: «Французский народ никогда не будет воевать с Советским Союзом!». Этой книжкой, крепкие рукопожатия, открытые, ясные взгляды красноречивее слов говорили о том, что здесь встретились друзья, объединённые одной высокой идеей борьбы за мир.

— Мы заверяем вас, что мы соединимся с вами для совместной борьбы против поджигателей новой войны, для защиты мира во всем мире», — страстно говорил представитель студентов Малайи.

Все делегаты конгресса полны решимости понести вперед великий фимиал науки, прогресса и демократии. Они кланутся защитить великие завоевания человеческой культуры.

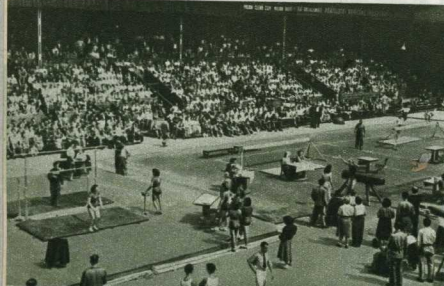
Члены вьетнамской делегации продавали путь в 15 тысяч километров. Они проехали в дороге два месяца. Двадцать суток они шли пешком. Шли для того, чтобы заявить, что вьетнамский народ до конца, до победного будет сражаться за своё освобождение от ига французских империалистов и их американских союзников.

Вьетнамцев поддерживают французские студенты. Студент-католит Канет рассказывал о том, как французские студенты собирали средства в пользу доноров, отказавшихся грузить вооружение для грязной войны во Вьетнаме.

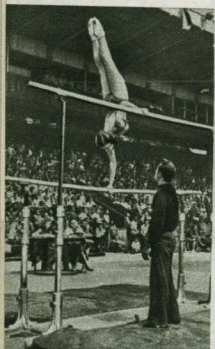
Подвляющее большинство участников конгресса ясно и безоговорочно высказалось за поддержку Стоялольского воззвания. На грандиозной демонстрации студентов и пражских трудящихся на Старо-Местской площади не умолкали возгласы: «Да здравствует мир!», «Да здравствует Советский Союз!». Студенчеством устроили митинг в честь социалистических народов, в честь стран народной демократии, в честь мирнолюбивых народов, в честь стран народной демократии, в честь социалистического Союза, идущего во главе сторонников мира. Международный союз студентов призвал все студенчество мира, всех честных людей на свете, без различия политических и религиозных убеждений, защищать дело мира, усилить борьбу за запрещение атомного оружия, за прекращение гоним вооружений.

На Втором конгрессе Международного союза студентов. В первые часы заседаний завязываются дружеские, задушевные беседы. Дети разных народов, представители различных стран мира, они легко находят общие темы и общий язык...

В честь Второго конгресса Международного союза студентов в Праге были проведены студенческие спортивные соревнования.

Общевнимание привлекали выступления советских гимнасток и волейболисток. На сцене и в зале советская гимнастка Софья Поддубная выполняет упражнения на разновысотных брусьях.

Успешно выступили и студентки-спортсменки стран народной демократии. На сцене и в зале венгерская гимнастка Ольга Таши выполняет важные упражнения.

фото И. Соболева (ТАСС)

КОРЕЯ В БОРЬБЕ

Воины Народной армии КНДР ведут бой с американскими интервентами.

Группа молодых патриотов-добровольцев перед отправкой на фронт.

Подразделение Народной армии на боевом марше.

Американские военнопленные на улицах Пхеньяна.

Население освобожденных районов помогает восстанавливать железную дорогу.

Отлетелся... Еще один американский самолет нашел свой бесславный конец на корейской земле.

В один из летних вечеров из Праги отправился в путь по Чехословакии студенческий «Поезд мира». Его пассажирами были 200 обучающихся в Праге студентов из 28 стран — Англии, США, Италии, Польши, Болгарии, Канады, Индонезии и других.

Все они горели желанием пообщаться за мир и рассказать чехословацкой молодежи и студентам о жизни народов их стран, об их борьбе за мир, свободу и счастье. В этом же поезде отравились и гостеприимные хозяева — студенты Чехословакии, где народ свободен и сам строит свой будущий мир.

«Поезд мира» побывал в Брно, Братиславе, Остраве, Кошице и других городах страны. Куда бы ни прибывал поезд, всюду возникали массовые митинги за мир и дружбу между народами. Более ста тысяч чехословаков участвовало в митингах и вечерах, посвященных борьбе за мир.

На вечерах мира участники поезда показывали подготовленную ими художественную программу, политически злободневную и острую. Здесь были и зажигательные танцы свободной Болгарии, и боевые песни партизан джунглей Малайи, и сатирические сценки итальянских и греческой монархо-фашистской невесты; а с «свето» мы были американской дядюшкой. Яркой было показано, что прославлять «ос» служит лишь подготовка новой войны и ведёт к усилению нищеты и рабства народов Югославии и Греции.

С большим удовольствием исполняли советские песни — любимые песни демократичной молодежи всего мира.

Эти вечера неизменно заканчивались яркой демонстрацией любви и признательности молодежи Чехословакии и ленинскому комсомолу, к советскому народу, к вождю всех трудящихся товарищу Сталину.

Хотя «поезд мира» останавливался в каждом городе всего на один день, для жителей это было настоящим праздником. На предвечерних молодых рабочих после вечеров мира брали новые обязательства по досрочному выполнению своих производственных планов. «Поезд мира» поднимал новые силы на борьбу за мир, за победу социализма в Чехословакии.

Невольно вспоминаются волнующие слова одного из участников поезда, итальянского студента Соверелло.

«В Италии так же ходят поезда, — говорил он, — поезда, наполненные оружием, которое американские империалисты посылают против нашего народа. Но наш поезд имеет своё оружие, и это оружие сильнее, чем все оружие империалистов. Это — оружие народов всех стран в борьбе за мир, за лучшее будущее. Это оружие — наша солидарность и дружба».

Г. ФОМИНОВ,
член делегатской советских студентов на II конгрессе МСС

ПРАГА.

Герой республики
Ким Ду Соб.

Герой республики
Ли Ван Гын.

НАРОДНЫЕ ГЕРОИ Кореи

Президиум Верховного Народного собрания Кореиской народно-демократической республики присвоил звание Герой республики группе воинов, героически сражающихся за свободу и независимость республики, против американских интервентов.

Кореиская молодёжная газета «Мин-Ду ченен» («Демократическая молодёжь») приводит рассказы о подвигах молодых героев народа. Вот выдержки из этих рассказов.

Танковая часть, в которой вместе со своей ротой находился молодой корейский патриот Ким Ду Соб, получила приказ занять село Мадерин. Это село интервенты сильно укрепили; впереди линии обороны находился дот.

Части Народной армии пошли в наступление под местонахождением бомбиной американцев. Впереди наступающих шла танковая рота, а во главе роты — её командир Ким Ду Соб. Его танк «405» подавал огонь дота, а затем раздавал его гусеницам.

В другом бою, в селе Сулюри, Ким Ду Соб уничтожил 3 стеновые пулемёта и 4 дота и дал возможность лёгким частям почти без потерь занять село, уничтожить вражескую роту и захватить военные трофеи.

А вот другой герой, Ким Бон Хо. О нём слагуется сказание в частях Народной армии, имя его вызывает страх у лэйсмановцев и американцев.

Ким Бон Хо — командир разведывательной танковой роты. Однажды танкисты-разведчики проникли в тыл врага. Командир роты немедленно сообщил по радио о расположении противника. Артиллерия Народной армии открыла огонь. Ким Бон Хо корректировал его. Но вражеская артиллерия открыла ответный огонь большой силой. Тогда танкисты совершили разгромный набег на артиллерию противника, разгромили её и взяли в плен 25 солдат.

Разведчик Ким Бон Хо с десантом на танках одними из первых ворвались в Сеул, отбили радиостанцию и электростанцию.

В одном из боёв разведчик Ким Бон Хо был схвачен противником. Его конвоировала целое отделение вражеских солдат. Выбрав удачный момент, он обокружил двух конвоиров и, отсечив в сторону, открыл огонь из отнятого автомата по остальным. Уничтожив несмыслию человека, Ким Бон Хо, отстранившись, отшёл в безопасное место и вскоре встретил части Народной армии.

Рассказываем ещё об одном боевом эпизоде, происшедшем на море. Речь идёт о бою, в котором командир корейского народа Ким Хо Сан сразился: «Молодой военно-морской флот республики при выполнении боевого задания показал героизм. В историю нашего военно-морского флота навсегда будет вписана боевая заслуга отряда торпедных катеров, который потопил крейсер американских интервентов».

Разведка донесла о приближении вражеских кораблей. Навстречу им вышли четыре торпедных катера. Больше двух суток размышляли они в море вражескую эскадру, пока заметили два крейсера и эсминца.

Ким Гун Ок, командовавший отрядом катеров, приказал прорваться к крейсеру и на близкой дистанции торпедировать его. Катера № 23 и № 24 отделили выманивая врага. Вражеские корабли обрушили на них огонь. В это время катер № 21 Ким Гун Ока выпустил одну из другой торпеды. Они попали в цель. Корпус крейсера сильно вздрогнул, но крейсер не затонул. В тот же момент катер № 22 Ли Ван Гина подошёл к крейсеру на расстоянии 500 метров и также выпустил три торпеды. Чёрный корпус вражеского крейсера сильно нагрелся и начал медленно тонуть. Потом раздался взрыв. Крейсер завалило дымом. Через несмыслию секунд он затонул. Смелая операция была завершена блестяще.

Так сражаются с врагами молодые патриоты Кореи. Они побеждают на земле, на воде и в воздухе, потому что они ведут справедливую войну с оккупантами, потому что на их стороне могучая сила — любовь и родне.

Герой республики
Ким Бон Хо.

Герой республики
Ким Гун Ок.

Е. Помаанская и Г. Цейтлин

Лауреат Сталинской премии Н. Россыянский среди молодых рабочих.

Г. НИССКИЙ

В депо.
(Всесоюзная художественная выставка 1949 года.)

Рисунки П. Голубя

Лев ЛУБНИН

Кривой бор

Рассказ

Весну и лето в наших местах не назовёшь хорошим временем года: в мае дуют холодные ветры, а летом почти каждый день накрываются надоедливый мелкий дождь. Только к концу июля устанавливается погода.

После нескольких тёплых дней, когда солнце ласково проглядывает сквозь свистящую, мгластую дымку, вдруг приходит жара и, постепенно набирая силу, к середине августа превращается в нестерпимый зной.

В это время душно и трудно в городе: нет ни ветра, ни тени. Парк и скверы, разбитые два года назад, радуют глаз нежной зеленью, но молодые пересца ещё не раскинули кроны и, несмотря на частую поливку, сами страдают от зноя.

Красноватая пыль, взбитая машинами, неподвижно висит над улицей и оседает только ночью. Дворники с брадсепейками в руках пошатываются на небо и ждут дождя. Но дождя выпадает очень редко.

Зато какой это дождь! Звонкий, радостный, неукротимый! Он приходит со стороны Лысой горы и всегда неожиданно, с шумом, с грохотом. В один миг он переполнит канавы, пожарные бочки во дворе, до половины залёт кузов грузовика, вымоет всё на своём пути, и никакая пыль или полог не оградит нас от его неистовой силы. Промчится ливень — и снова духота, зной и красная пыль.

В выходные дни город нует: спасаясь от жары, все спешат выбраться за реку, в Кривой бор. Для сына это не просто прогулка, а ответственный выезд на первую рыбалку.

По берегу реки узкой полосой шириной в полкилометра тянется к подножью Лысой горы редкой красоты лес. Сначала идёт берёзовая роща, чистая, стройная и вся пронизанная солнечными лучами; потом сбегает в низину довольно густой осинник, изредка расступившийся в стороны, чтобы дать место маленькому озеру или зелёной полянке; и только на третьем километре начинается бор. Здесь толстые изогнутые стволы старых причудливо наклонились в разные стороны, словно чья-то злая рука растакала деревья, пытаясь вырвать их из земли, да не успела.

Там, где кончается осинник и начинается бор, длинный заливчик, соединённый с рекой песчаной мелью, разливает лес. Тут, под сосной, недалеко от танцевальной площадки, я и поставил палатку. Место для лова неудобное, но мне хотелось, чтобы Павлушка мог побороться в воде на мелком месте.

К десяти часам, когда бор наполнился шумом и на площадке заиграли оркестр, я прекратил лова, поймав пять тёмнозелёных окуньев и с десятком краснобрюхов.

— Ой, папа, смотри, там дядя Никита! — воскликнул Павлик и замалка руками.

Под сосной, в стороне от танцующих, одиноко стоял невысокий палестинский юноша в украинской рубашке. На его простом скулатом лице, косте усевшим несущими, злыми выражением грустной сосредоточенности, которые так не владало с общим весельем.

Этот юноша жил в нашем доме, и Павлушка очень любила его за то, что Никита всегда ремонтировала саманные игрушки и даже выточил несобыкновенный заводной паровозик.

Никита работал токарем на заводе и заочно учился в политехническом институте. Нередко он пользовался книгами из моей библиотеки, и мне нравилось в нём соединение юношеской застенчивости, скромности с беспокойной любознательностью и странным отношением к работе.

Никита — произвольно крикнул Павлушка. Но юноша, видимо, ничего не замечая, и обиженный Павлушка пошел в палатку.

«Никита здесь. Значит, где-то поблизости должны быть и Сашука с Володей», — подумал я.

Позовишься немного, Павлушка подошла под голову загорелую ладонь, к которой прилипли серебряные кружочки рыбьей чешуи, и тихонко заселон обалунившимся носом. Я стал смотреть на танцующих.

По обеим сторонам площадки поднимались две эстрады, построенные риковой и крытые свежеструганым тёмсом. На одном возвышении девушки в белых передниках продавали мороженое, а на другом ослепительно сверкала медь духовых инструментов. Заиграли «Молдаванеску». Когда пёстрый круг раздвинулся, я увидел Володю и Сашуку. Они шли в первой паре.

Свободно и весело шёл Володя, селга подерживая Сашуку за талию. Когда он наклонился к ней или быстро поворачивался в фигуру танца, тёмные волосы мягкой волной падали ему на глаза. И тогда Володя улыбался, почти неуловимым движением головы отбрасывая их назад.

Он смотрел вдалёк, поверх голов, и на его подвижном красивом лице выражалась чуть заметное сознание собственной привлекательности.

На нём была куртка кремового цвета из какой-то лёгкой блестящей материи, узко перехваченная в талии и широкая в плечах.

Из всего кружка молодёжи, собирающегося по вечерам на нашем дворе, Володя считался самым начитанным и остроумным. Обо всём он умел говорить с какой-то бесценной всеобластностью.

Кончив среднюю школу, Володя никуда не поступил, увлекаясь театром, то живописью, и жил на средства своего отца, известного в нашем городе адвоката.

На вопросы товарищей он обычно отвечал, улыбаясь:

Присматриваясь, определяешь!

И «продается» он вот уже два года.

Круг танцующих вновь раздался на пары. Теперь они приближались ко мне.

Рядом с Володей бойко пристукивая каблучками Саша, или Сашука, как её ласково звали все в нашем квартале.

Сашука — обща альбиночка. В годы войны она потеряла ногли, и весь дом заболел за её судьбе. Ещё подростком она пошла на завод. С помощью Никиты стала работать токарем, а потом поступила учиться в механический техникум.

Сашуля не шла, а скользя, летела над полям, изредка удая кабуками.

Одну руку она положила на плечо Володи, а другую выбила вперёд, словно помогая полёту. Живой оглоди музыки, казаясь, перешла в её кровь, и смуглое лицо разгорелось ярким румянцем. Закрыв глаза, она смотрела в лицо Володи, и от этого движения ещё больше усилывалось впечатление счастливого стремительного полёта.

Они были так хороши, что многие любовались ими.

Когда тинующие подошли совсем близко, на лице Сашули я увидела не только увлечение танцем. Она смотрела в лицо Володи с мягким выражением нежности и несознанного счастья, которое, только что родившись, робко высказалось в глазах, в улыбке, но ещё не шло в слезы.

Теперь я поняла состояние Никиты, снова почувствовала жару и, извинив кепку на самый лоб, стал размыкать его глазами. Под носом Никиты не было.

Я нашёл его далеко от площадки, там, где по опушке леса проходила тропка, по которому в сторону города, к парому, мчались грузовики, напоенные зерном нового обмолота.

Пять машин, доверху нагруженных мешками, остановились на опушке. На первой машине ярко выделались полотноще пакаты, привязанные к двум берёзовым веткам с несобранными листочками. Головной грузовик шел на один бок, и три шофера свесившись, поспрашивали под машину.

Никита был там. В испачканной украинской рубашке он вылез из-под машины и стал помогать шоферам. Над ним стоял высокий старик с ухаистой седой бородой и что-то говорил, взмахивая руками и тревожно поглядывая на Адыгу гору.

Тёмнокоричневая вершина горы высоко поднималась над лесом. На ней не росло ни деревьев, ни кустарника. И в обычное время только светлые полосы известняка резко выделялись на тёмном фоне. А сейчас я увидела, как из-за вершины вытиснулось лёгкое белое облачко.

«Дождь будет», — подумала я и разбудила Палушуку.

Пока я связывала удочки и собирал подлук, облако превратилось в чёрную тучу, которая, как баранья паха, прикрывала вершину горы.

Сквозняк в одну руку тянул козырёк и удочки, другой рукой я подсадила Палушуку на плечо и побежал к танцевальной площадке. Палушка смеялась, била ногами и всё кричала:

— А мой папка самый сильный! Сильнее всех!

Он был ещё в таком возрасте, когда папы кажутся детям самыми умными и сильными и заплояют собой весь их маленький мир.

Приближаясь к танцевальной площадке, я увидел Никиту. Он стоял на эстраде и что-то говорил, обращаясь к толпе и указывая туда, где стояли грузовики. За шумом начинавшегося ветра я не расслышала слов.

Поднявшись на эстраду, где сидели музыканты, и прислонив удочки к стене, я увидел, как Никита и ещё пять человек побежали на опушку леса.

Шум ветра усилился, и солнце исчезло. Только сейчас молодёжь догадалась, что будет дождь. Под крышей эстрады сразу стало шумно и тесно. С шутками и смехом музыканты отстеснились к задней стене.

Когда ухали первые капли дождя, стало так тесно, что многие, уцепившись друг за друга, висели на краю, как на подножке переполненного трамвая.

Вдруг моё внимание привлек шум спора. Какой-то молодой человек в куртке с бесчисленными замочками «моания» возмущённо говорил:

— Послушайте! Куда вы свой мешок на людей толкаете?!

— Во-первых, не мой, а государственный! — услышала я голос Никиты. — Вы понимаете, что здесь селекционное зерно? Колхозники его три года по вершине отбирали!

Нет, не понимаю! Зачем это понадобилось, когда все машины полям покрыты?

Кто-то уже принялся объяснять молодому человеку, какие у нас бывают грозы, но Никита крикнул:

— Товарищи, принимай!

Десятки рук подхватили трёхпудовый мешок, пронесли его над головами и бережно опустили к своим ногам. На деревянной бирке, которая, как галстук, висела на горловине мешка, было выведено: «Земля» — и рядом цифровые данные.

Никита, покрывая шум толпы и ветра, кому-то кричал:

— Грива, подбери человек пять! Очисти эстраду под зерно! — И вдруг с озорным смехом добавил: — Да смотри, повеселись с этими, которые совьёшь на замочки позапирали! Не оскорби достоинства венарком!

Раздался смех, и почти все стоявшие с краю, спрыгнули на землю.

Я увидел, как к эстраде быстро шёл, почти бежал бородатый старик с мешком на спине; на его сатиновой рубашке поблескивала звезда Героя Социалистического Труда; за ним, стараясь обогнать друг друга, бежали шоферы и несколько паренков. Тяжело мыши взлетали кверху и аккуратно ложались к стене.

Я сбросил пиджак и, посадив Палушуку к какой-то трубе, тоже побежал к машине.

Только первый мешок я донёс до эстрады. Теперь Никита расставил людей от каждой машины длинной цепью и организовал первачные пункты. Каждый пробегал только двадцать шагов. Потом чьи-то руки подхватывали мешок и опускали на подставленную спину следующего.

Дождь усилился. Но чувава с зерном перестали с рук на руки так бегать, что намолка только мешковина.

На грузовике я увидел Сашулю. Володи с ней не было. Её лицо было строгим, и на лбу адыга упрямая складка. Она стояла в мокром плаще и подталкивала мешки к краю кузова. Везде слышались выкрики, несные в шум дождя, шутки, смех. И в этом шуму я различил голос моего сына. Палушка визжала и смеялась, перебегая от одного первачного пункта до другого, и всё время кричала: «Ухнем!». Он сбросил с себя всё, и вода струилась по его загорелой спине.

Дождь превратился в ливень. Теперь ветер не просто дул, а неистово рвался откуда-то сбоку, из-под горы, и бросал на землю плотные потоки воды.

На последней машине ещё не открыли борта и не откинули верёвки. Мокрый и тяжёлый, он вздувался пузырями и растягивал верёвки, открывая мешки ударом косого дождя.

Когда откинули борт, вода, как из опрокинутого корыта, мутной струей потекла на землю.

В одну минуту машина опустела. Несколько мешков всё-таки намолка, особенно снизу. Их устелили отдельно, к противоположной стене эстрады.

Все стали размыкать свои пиджаки и рубашки, и незнакомые люди смеялись, звонко хлопая друг друга ладонями по мокрым спинкам.

В толпе народа на противоположной эстраде я увидел Володи. Он сидел с краю и всё время подбирал под себя ноги в лакированных ботинках, старательно оберегая их от потоков воды, низвергавшихся с крыши.

Скоро ливень прекратился, и я, скинув Палушуку на плечо, пошёл купаться.

— Ты видел, как я помогаю? «Ухнем!» — кричала Палушка. У него смеются получаются: «Ухнем!». — Ведь я сильный, да?

— Папавик, скажи, кто всех сильнее?

— Все вместе самые сильные! Вот!

— Правильно, Папавик, — сказала я и подумала о том, что мой сын сегодня приступит к открытию нашего мира. Пусть он бегаёт под дождем, солнцем и ветром, пусть этот мир скорее войдёт в его маленькое сердце вечной радостью и бесстрашием!

Я подбрасывал сына высоко над палаткой, смеялся и целовал его за згорелую спину; но, подойдя к палатке, остановился и потом за кустами тихонько обошёл это место.

На том месте, где мы ловили рыбу, стоял Никита, а Сашуля, присев на корточки, поглядывая в воде его украинскую рубашку, и в её подбородок, как виноградинки, дрожали капельки воды, озарённые солнцем.

Рисул ГАМЗАТОВ

РОДИНА ГОРЦА

ПОЭМА

«...Начинается земля,
Как известно, от Кремля,
В. Маяковский

В большой семье,
в крестьянской савле скромной,
Под солнцем, плывающим в утреннем дыму,
Родился в Дагестанской Автономной
Мальчишка, не известный никому.

Он рос над облаками снеговыми,
Где у людей бесстрашные сердца,
И, как влюблён рожакам своим,
Гордился родом своего отца.

Играя с ним, его не раз в ту пору
Бросали в небо с визгом «гура»
Два старших брата,

каждый из которых
Был крепким и плечистым, как гора.

Пять дядей было у него,
их силе
Завидовали все наверняка:
Любой ударом мог свалить быка.
А если дяди в савлю заходили, —
Папаша их касались потолка.

Малец любил, чтоб гости приезжали,
И вясним счастьем было для него,
Когда к себе на сядла поднимали
Устатые сородичи его.

Он всей душою верил, что солидность
Мужчинам в жизни придают усы.
Так верят все охотники,

что хитрость
Всегда таниса на хвосте лисы.

На лоб палаху сдвинув деловито,
Не раз отца он спрашивал любя:
— Ведь правда, папа, в мире нет джигиты,
Который не боялся бы тебя!

И отвечал родитель, усмехаясь:
— Когда б такой мне встретился в пути,
Он задрожал бы, как пугливый заяц.
Живым ему я не дал бы уйти.

Мальца задор охватывал счастливый.
И, потуру на умку удрас,
Среди мальчишек, как пугливый заяц,
Ходил он, гордо голову задрав.

Он говорил ни: — Что вы за джигиты!
Мне зайцов ваш напосылает вид.
Отец и дед мой силой знамениты,
И скоро сам я буду знаменит.

О лошадях немало споров было,
Но в спорах тех, достоинство храни,
Отдосуку беззубую кобылу
Он выдавал за борзого коня.

А если в этом сомневались снова
Соседские мальчишки-кузавки,
Тогда для доказательства простого
Немедля в ход пускал он кулак.

И с крыши мать не раз соняла сына,
Когда он там разгуживал один,
На бедра руки положив картинно,
Напоминая глиняный кузавки.

Любил он речки неуёмный гомон
И птичий писк в зловонной вяснине,
Но часто слышала от людей о том он,
Что снова враг готовится к войне.

В неполных шесть
о войнах представляелье
Особое сложилось у него.
И принял он военное решение:
Надёжное воздвигнуть укрепление
Вокруг родного дома своего.

Каменной под окна натаскав с полотнои,
Весь день усердно проработал он.
И стены непруступной оборои
Поднялись в небо с четырёх сторон.

Но вот в мечтах о будущей победе,
В силные савы радужных надежд,
Мальчишка вдруг подумал: —
«А соседни
Ведь их спасти не могут стены этии,—
И сам разрушил каменный рубчик.

О всех его делах не понаслышке
Известно мне. — Снизу вам, не так:
Я очень близок этому мальчишке,
Ведь тем мальчишкой был когда-то яи...

Смеётесь вы, друзья мои.
Ну что же!
А вспомните дошкольные года,—
Ведь все вы были на меня похожи,
Но так ли это!

Ну конечно, да!

II

Пылало солнце, над горами рея,
Стремглав летели солнечные дни,
И, чтобы рос я, маленький, быстрее,
Меня танули за уши они.

Вновь мальчишом себя сегодня вижу
И сердцем вспоминаю отчий дом.
Есть в савле столб, что подпирает крышу,
Ножком пометки сделаны на нём.

Их на столбе том сделано немало:
Там вёлся роста моего дневник.
Ведь вясделя пометки означала
То место, до которого, бывало,
Я в данный день достигал язык.

Чтоб радостью глаза мои лучились,
Меня будили утром соловьи,
В моих тетрадах первых сохранились
Огромные каракули мои.

Я помню школу, где меня учили,
Вокруг неё всегда цвели цветы.
Отсюда адаль всё чаще уносили
Меня ширококрылые мечты.

И в пионерском лагере нагорном,
Где на линейке
стремился отрад,
Я был горнистом и певучим горном
На зорьке ранней
поднимал ребят.

А на груди друзей моих весёлых
Горел крылатый пламень кулача.
И называли сиеной комсомола
Нас, пионеров, вивуос Ильича.

Мне дорог был Кавказ был суровый,
Родной аул в теснине между гор,
Но, как орлёнок из гнезда родного,
Я всей душою рвался на простор.

Я слышал шум солёного прибое,
Дальнее мне снились города,
Прощай, мой дом!

Прощай, гнездо родное!
Прощай, аул отцовский — мой Цада!

III

Был тихий вечер.

Ярким светом лунным

Он озарил нагорные края,
Когда, загнув за спину хурджуки,
В дорогу вышел из аула я.

Я шёл, как путник, под небесным кровом,
От горного селенна вдали.
Жил в прикаспийском городе портовом,
Там, где трубят на рейде корабли.

Там я спешил с друзьями спозаранок
Над яхтой парус водрузить тугой,
И серебрялись в косах у горняков
Морские капли утренней росой.

Там руки положила мне на плечи
Любовь моя впервые навью,
Её, как в тот неповторимый вечер,
Я до сих пор мечтой своей зову.

Душою всей запомнить я старался
Напев чунгура, сказку чабана,
Читая книги, плакая и смеясь,
Часы ночные проводя без сна.

С открытым сердцем день встречал
Я каждый,
Всё новое влекло мой глаз,
И начал сам стихи писать однажды
Я, средний сын Гамзата Цадаса.

Пусть те стихи друзья мои забудят,
Но я их помню, все до одного:
Они в те годы, несомненно, были
Свидетелями роста моего.

Мне стала сила новая знакома
В мои семнадцать юношеских лет,
Когда из рук секретаря райкома
Я комсомольский получил билет.

Мне кланялись заснеженные ели
На синих сопках в северных краях,
И Волга, как ребёнка в колыбели,
Меня качала на своих волнах.

Меня несли под облаками птицы
Свержающие, будто серебра,
Я руки ждал солдат на границе,
Читал стихи строителям метро.

И, проходя по рощам и долинам,
Отечество,

в краю твоём любом,
Был не пришельцем я, не гостем был,
Я — в строю, а в строю,
Хозяином, как в песне пел о том,

И понял я, что так же, как в сраженье,
Есть в мирном мире линия огня,
Быть впереди, на главному направлении,
Всегда учила Партия меня!

IV

Я в жизни путешествовал немало,
Но, где б я ни был,
Моя любовь тебе не изменяла,
Гнездо орлов —
Родной аул Цада.

Пожоная на шумного ребёнка,
Подпрыгивая звонко по камням,
Стремительная светлая речонка
Тебя поныне делит пополам.

Она поёт серебряной водою,
И за скалою повернув в лесу,
Летит уцелею,
став уже седею,
И попадет в бурную Койсу.

Обнявшись с ней,
в стремлении едином,
Всколоченные волны горова,
Несётся вниз на лопасти турбинам,
А после —
морю отдаёт себя...

Глазенам восхищёнными подолгу
На гордый Красный я смотрел не раз.
В нём речка из аула, встретил Волгу,
Навски с ней судьбой своей сласна,—

И волжские прославленные воды
Её могучей сделали,
И вот
Он качает в море пароходы
И рыбаков на промысел зовёт.

Друзья мои с Куры, Амура, Сожи,
Живём мы с вами в легендарный век.
И разве судьбы наши не поэзии
На судьбы этих встретившихся рек!

V

Событиями жизнь моя богата,
И лишь с улыбкой вспоминаю я,
Что из камня сооружал когда-то
Кордон вокруг родимого жилья...

Зарёю флаг победоносно поднял
Над Родной,
Велик её простор!
И там её границы,
где сегодня
Ушли мои товарищи в дозор.

Как на переднем крае обороны,
Они, и ночью не сомкнув очей,
Хранят мой род,
в котором миллионы
Моих сограждан и моих друзей.

Тебе, Отчизна, преданность смоваю
Они несут в огне своих сердец:
И тридцать лет поёт тебя с любовью
Поэт народный — мой родной отец.

А мать моя, твоей свободы радки,
Меж двух братьев ласкавала в бой;
Одни погиб в горящем Сталинграде,
Сгорел над Севастополем другой.

Они своей не пощадили жизни
За свет и радость будущего дня.
И нет матери:
в любом краю Отчизны,
Как звезда на небе, братьев у меня.

И братство наше крепче всякой стали,
Оно огнём испытано не раз.
И, как отец, с любовью смотрит Сталин
На всю страну,
на каждого из нас.

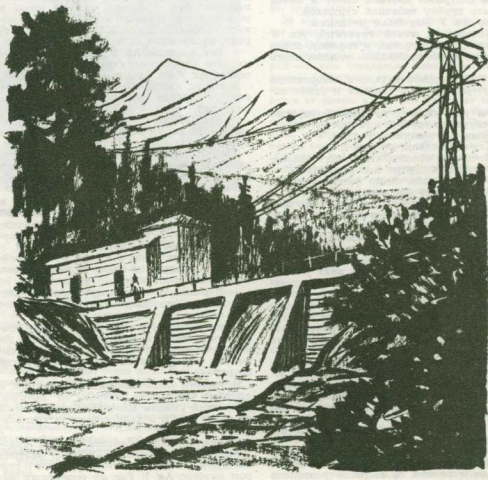
Идут года.

Ясна моя дорога,
И нет её вернее и правей.
Я коммунист!

И бесконечно много
В любой державе у меня друзей.

Они равные на тебя, Отчизна,
Берут в борьбе
со всех земных широт.
А ты в пути:
и вершинам коммунизма
Тебя Великий Человек ведёт.

Перевёл с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

Николай ПЕЧЕРСКИЙ

ШКАТУЛКА

Былъ

Наша чета готовилась к выходу из Корей. Солдаты и офицеры горно обсуждали предстоящее событие, и, хотя мы уже успели полюбить местное население, каждому не терпелось увидеть родную землю, изумительные берёзки на перелесках, мыло белые стланики.

Накануне отъезда я решил в последний раз навестить моего старого приятеля Ли У Ена, который жила недалеко от расположения нашей части на берегу моря. Когда я пришёл к Ли У Ену, он сидел возле фансы с длинной трубой в руках. На его согнутых коленях лежала небольшая шкатулка из чёрного дерева.

Ли У Ен достал из кармана чёрный, расшитый пёстрыми цветами кисет и начал набивать трубку табачной стружкой.

Глаза Ли У Ена были печальны.

— Почему ты такой грустный, Ли У Ен? — осторожно спросил я корейца, боясь затронуть какие-то болезненные чувства моего друга.

Ли У Ен поднял к глазам обгоревшую спичку, размаз её в пальцах и зажёг по-нову.

— Вы уже уходите из Кореи? — спросил он, раскуривая трубку, и посмотрел на меня долгим, изумительным взглядом.

— Кто тебе сказал об этом? — Не нужно обманывать старого человека. Я знаю всё. Сердце мне сощилось.

Мы долго сидели около фансы старика, без слов хорошо понимая друг друга, и сплутница нашего молчания, трубка, по очереди переходила из рук в руки.

Внезапно, — истрепло, но с какой-то гаукой, взглядом, явно зародившейся в сердце болью, сказал Ли У Ен, — кто мне приехал из Сеула мой сын.

Старик не закончил фразу, взял у меня трубку и сделал несколько гаубжских затяжек.

— Да, нехорошие дела в этом городе, — продолжал Ли У Ен и закипался, придерживая рукой зпаулю труду. — Нехорошие, очень нехорошие. Американцы не любят корёйских людей, совсем не любят.

Ли У Ен помолчал, сосредоточенно выдыхая пелел из трубки, выдохнул.

— Русский человек пришёл в мою страну улыбайся радость, — сказал Ли У Ен, — американцы — горе. Скажи мне, друг, почему эти люди хотят вырвать из груди корейца радость, почему свет зло и несчастье на нашей земле?

Я молча слушал Ли У Ена. Больно было видеть, как отбывает он тяжёлым, безразличным чувством. Я пытался успокоить старика, но он только махнул рукой.

— Ты думаешь, Ли У Ен боится? — грозно и торжественно сказал он и поднялся на своих худых, длинных ногах. — Нет, Ли У Ен никого не боится!

Кореец вынул из-за пояса свой острый нож, которым он так искусно умел вырезать по дереву и кости изумительные по красоте и точности узоры, и твёрдо посмотрел на него.

— Нет, никого не боится! — повторил Ли У Ен и неожиданно нацелился в проходившую по двору вёструу курицу; ещё мгновение — и нож, опавший в воздухе блестящим кликом, как молния, возлился в тело курицы.

— Видишь? — свернула глазами, и сказал Ли У Ен, и я несомненно удивился мужественному гневному голосу, большой силе, которая исполняла этого старого человека. — Пускай враг знает, что корейцы — хорошие охотники: они умеют целить прямо в сердце.

Ли У Ен окинул меня чистым и гордым взглядом, дружески положила руку на плечо.

— Ты трясешь меня, — сказал он, усаживаясь рядом. — Сегодня мы сделаем из этой курицы жаркое и выпьем с тобой последнюю чашку сэва. Да, последнюю чашку...

Ли У Ен поднялся и пошёл к убитой им курице. Через полчаса в небольшом закопчённом чужине, выжиганном в каминный очаг, колочата солёно-свежомозными острыми специями варело; на низком, едва возвышающемся над землёй столике красовалась бутылка рисовой водки, стояли крохотные фарфоровые чашечки с деревянными палочками втулки.

Я не отказала моему другу в его последней просьбе, чокнулся с ним по русско-кочьяно и выпила гаубок сэва.

— Давай ещё, Ли У Ен! — сказала я.

— За счастливую судьбу Страны утренней свежести! — подняла свою чашку старик.

Ли У Ен проводил меня почти к самому морю. Одежду стариком, оно просторно и вальсировало осязало у наших ног, качало на весёлой волне причащающего берега карбасом. Мы по-братски простались с Ли У Еном. В глазах у него попрежнему читалась печаль: он, видимо, чувствовал, что это была наша последняя встреча.

Но я ошибся, думая, что уже больше не увижу Ли У Ена. Трудом, когда наши автомашини уже минавали горный кряж и шли по шоссе у самого моря, на дороге подалась фигура старика. Он высоко подняла руку и привалал в путь колесо.

— Вот видишь, Ли У Ен был прав, вы уходите из Страны утренней свежести, — сказал Ли У Ен, — сердце моё не обиделось. Я вновь, как и вчера, уловил в словах старого корейца дружбу и дружески подала ему руку.

— Прощай, мой дорогой Ли У Ен, — сказал я. — Мы верим в хорошую судьбу твоего народа.

Ли У Ен ответил мне крепким рукопожатием, затем открутил полу куртки, и я увидел в его руках прекрасную, сделанную из чёрного дерева шкатулку.

Я взял из рук Ли У Ена шкатулку и несомненно замер. На чёрной глянцевой крышечке её был изображён в изкрасурном белом с голубым отливом перламутром портрет человека, которого Ли У Ен никогда не видел в жизни. Рука корейца прижала портрету какие-то свои, особые, но близкие и дорогие мне черты вождя.

— Передать это товарищу Сталину, — сказал Ли У Ен. — Здесь мой любовь и моя верность этому человеку.

— Теперь я часто вспоминаю своего старого приятеля Ли У Ена. Вновь вижу даже сейчас бёро моря, высокую фансу и сидишего у неё старика с длинной трубой во рту.

В минуты воспоминаний и раздумий я прохожу мысленно взором по лочным, умамским улицам Москвы и вижу ровный белый снег, большом окне за кремлёвскими зубцами.

И кажется мне: товарищ Сталин, склонившись над столом, с любовью смотрит на чёрную шкатулку и также думает о старом приятеле Ли У Ене из корейского местечка на берегу моря.

А. ПРИСС

ЛЮДИ ЯСНОЙ ЦЕЛИ

Последние экзамены прошли, дрёйнная комиссия свою работу закончила, осталось только подвести итоги и объявить результаты. Но это будет только завтра.

— Завтра, повторите до утра! — с солёй раз умоляюще взывает к обступившей его толпе секретарь приёмной комиссии. — Утром буду списки.

Легко сказать: «Завтра!» А как дождаться этого самого «завтра», когда каждая летучеца твоего существа напряжена до предела, когда в тебе бурлят ураган мысли и чувства, надежды и сомнений, когда каждая секунда кажется вечностью...

— А вы здесь зачем? — не то с удивлением, не то с укоризной выговаривает секретарь долгожданно юные в больших роговых очках. — Ведь у вас все ятёрки, сказано же вам, что принять, чего вам ещё надо? Шли бы спокойно домой отдыхать, а вы, — обращается он ещё к некоторым, узнав пришедшихся лица. — Странные люди, честное слово!

Секретарь, кажется, начинает не на шутку раздражаться. Но нет, он ничуть не сердится. Он сам когда-то поступал в университет, и все, как они, часами протравил у дверей приёмной комиссии. Он хорошо понимает их состояние.

И ходит они — уже не школьники, но ещё не студенты («а вдруг в списках не будет!») — группами, парами и в одиночку по гулянкам коридорам и залам университета, мадно ловят обрывки фраз, доносящиеся из кабинета ректора, сидят на ступеньках широкой лестницы, на несильной каминной отапливаемой, нетерпеливо прогнутаются у памятника основателю Харьковского университета Каразину.

Зачем? Да так, ни за чем. Просто потому, что невозможно уйти отсюда, хочется побыть на людях, с товарищами, поделиться анонимно, впечатлительно, излить свою душу — словом, для того, чтобы быть поближе к университету, которому ты с этого момента, можно сказать, вручишь свою судьбу...

Но вот настало и долгожданное, заветное «завтра». Вышесены списки: «Географический», «Физико-математический», «Филологический», «Химический», «Исторический». У витрин со списками людей — не протиснуться. Жданными глазами ищут свою фамилию, фамилии друзей и, найдя, вспыхивают краской неуёмного счастья.

В Харьковский университет принято в этом году восемьсот новых студентов.

Восьмьсот студентов! Это восемьсот имён, восемьсот биографий, восемьсот судеб, восемьсот характеров. Все молодые, пылкие и любознательные, все приполненные светлых надежд и высоких делов. Но какие они все разные и непохожие! У каждого свои, отличные от других, мечты и помышлы, свои стремления, нечуждые, великие, каждой мякоти своей, особой дорогой пришёл в университет и особой дорогой пойдёт дальше.

В углу автового зала у распластанных окна собрался тесный кружок — три девушки и

трое юношей. По разговору нетрудно было догадаться, что они совсем ещё не знают друг друга, — может, только сегодня и встретились впервые, — но это, разумеется, не мешало им чувствовать себя уже близкими друзьями.

Меня заинтересовала эта группа. Кто они там, откуда пришли, и чему стремятся? Я подошел к ним поближе, расспросил. Зовут их: Нина Мусулевская, Тана Бакунина, Шура Омельченко, Иван Зайцев, Виктор Самарский, Александр Рыбалко. Компания оказалась действительно разнородной: трое — из десятиклассных классов вечерней школы рабочей молодежи, один — техникум; возраст — от 17 до 20 лет; по социальному происхождению: одна — дочь офицера, другая — из семьи рабочего, у третьей отец — служащий, все трое юношей — из рабочих семей, двое из них — сами рабочие; двое зачислены на геологический факультет, двое — на физмат и по одному — на филологический и биологический. Все шесть — комсомольцы.

* * *

Нина Мусулевской 18 лет, пришла она сюда прямо со школьной скамьи и зачислена на физико-математический факультет.

Восемнадцать лет. Возраст, при котором вся автобиография обычно уместается на четверть листа, а будущее рисуется в самых радужных красках, но далеко не всегда с определенными очертаниями. Не легко на чужбину останешься, когда жизнь вокруг тебя так ярка и многогранна, когда хочешь все обнять, а силы ощущаешь в себе столько, что, кажется, всё по силам.

Почему решила Нина Мусулевская идти в университет? Не именно на физико-математический факультет? Не случайно ли ее выбор?

Нет, не случайно. Он подготовлен всей ее жизнью, складом ума, наклонностями, воспитанием.

Детство Нины сложилось так же, как и сотны тысяч других советских детей, ее ровесников. Оно не было безоблачным, это детство. В девять лет девочка осталась сиротой: в октябре 1941 года погиб на фронте ее отец.

Начало 1941—1942 учебного года Нина должна была встретить в светлом школьном классе; она встречала его в полутемной теплушке зиелона, тнувшегося куда-то далеко на востоке. Вместе с матерью и бабушкой Нина поселилась под Ташкентом.

Война лишила Нину возможности учиться в этом году, но отнять у нее год она не смогла: за лето Нина с помощью матери прошла курс 2-го класса, а с осени поступила в 3-й класс местной школы. Потом возвращение в общеобразовательный Харьков, продолжение учебы в школе, выпускные экзамены. Школа окончена с серебряной медалью.

Собственно, жизненный путь Нины Мусулевской наматывался еще в пионерской организации и окончательно определялся в комсомоле и с помощью комсомола: с 7-го класса Нина — председатель совета пионерского отряда, с 8-го — член совета дружины, с 9-го — председатель совета дружины.

Страстность в работе с детьми и несомненные педагогические способности Нины Мусулевской не могли не быть замечены педагогами и комсомольской организацией. Они помнят Нину и всечасно разговаривали в ней эти задания. В 9-м классе Нина была назначена пионервожатой и великолепно справилась с этой работой.

В начале прошлого лета Нину вызвали в райком комсомола:

— Пора тебе выходить за стены школы. Нужен пионервожатый для университетского пионерского лагеря. Мы хотим рекомендовать тебя. Что скажешь?

Я готова, — не задумываясь, отвечала Нина.

В 1950 году по ходатайству университета Нина снова работает в том же пионерлагере, только теперь уже не просто пионервожатой, а старшим вожатым.

Нина, сомневаясь в колоссальной в отношении выбора будущей профессии у Нины не было: ясно, что она должна быть педагогом, это — ее призвание, и она не представляет себе иного занятия. Выбрала же она для этой цели университет потому, что сама знает, что это университет, славный, старинный Харьковский университет с богатой революционной исто-

рией, замечательными традициями, с чудесными профессорами и преподавателями...

На какой же Нине идти факультет?

Из всех предметов Нина больше всего любит литературу и математику. Литература прельщает ее своей воспитательной силой, а точные дисциплины — логичностью, творческими возможностями в науке и народном хозяйстве. Чему же отдать предпочтение? После долгих раздумий она остановилась на математике.

— Я вам откровенно скажу, почему я так делала, — смеюся, говорит она. — Видела ли, мне очень нравится решать задачи. Когда решаешь задачу, особенно трудную, испытываешь такое чувство, будто одержала какую-то важную победу, и даже сама стараешься в собственных глазах. — И, словно извиняясь, добавляет: — А ведь это очень, очень приятно, потому-то и пошла на физико-математический.

* * *

Иной дорогой пришел в университет Иван Зайцев — невысокий коренастый парень с энергичным, волевым ликом и сильными рабочими руками. О таком как-то не скажешь: юноша. Прямой взгляд, уверенная, чуть взвлекло походка, неторопливая речь — кажется, прежде чем сказать, он обдумывает каждое слово — всё это выдает в нем человека положительного, с вполне сложившимися взглядами и жизненным опытом, знающего себя и себе и другим. Выглядит он старше своих 20 лет, и не удивительно: за плечами у него большая трудовая жизнь.

Зайцев родился и рос в деревне. Крестьянский мальчик стал студентом университета! В былые времена для такого случая непременно было бы упомянуто имя Ломоносова. Но наше время другое: Зайцеву, чтобы учиться, не надо было читать книжки урядкой, от-

Слесарь-станочник Иван Зайцев зачислен студентом университета.

Фото Д. Шевченко

являться пешком за сотни километров в город и тем терпеть нужду и голод. Школа — правда, семилетняя — была в соседнем селе; не удовлетворения его смыслила — поступил в 8-й класс местной школы сельской молодежи; начал учиться дальше — сел в поезд и приехал в Харьков. Здесь сразу поступил работать на завод, получила место в заводском общежитии, был принят в 9-й класс заводской рабочей молодежи. Мало того: бесплатно получал все необходимые учебники, письменные принадлежности, и даже прикрепили к нему для помощи в занятиях двух студентов университета. Всё это так, такова наша советская действительность. И тем не менее есть в этом крестьянском парнишке что-то такое, что заставляет нас вспомнить о Ломоносове: это его поразительная тяга к знаниям, любовь к науке.

Учиться Зайцеву нелегко, много труднее,

Старшая пионервожатая Нина Мусулевская со своим пионерским лагерем.

Фото И. Филдесового

чем, скажем, Нине Мусулевской: она знала только школу, а ему нужно было еще и работать. Но Зайцев из тех людей, что не отступают перед трудностями: раз уж поставлена цель, они будут идти к ней прямо и неутомимо, и никакая сила не оставит их свернуть с намеченного пути.

Можно совместить работу и учёбу, да так, чтобы они не мешали друг другу!

Да, можно! — лишний раз подтверждает пример Зайцева.

Что требуется для этого? Желание, настойчивость.

На завод Зайцев пришел два года назад. Он не имел тогда никакой квалификации и начал с ученика. А сегодня Зайцев — высококвалифицированный слесарь, знатный человек на заводе, автор нескольких ценных рационализаторских нововведений. Комсомольцы оказались ему чести и доверие, избрали секретарем цехового комитета.

Зайцев работает много, очень много. Нужна большая сила воли, чтобы после напряженного рабочего дня заставить себя сесть за книги и сидеть до поздней ночи. Но он умеет это делать. Как бы ни было тяжело, как бы ни уставал, никогда он не нарушит установленного порядка занятий; что намечал, выполнил во что бы то ни стало.

За его занятиями специально следит комитет комсомола, бережным вниманием окружает Зайцева дружба по работе и общежитию. Одно время не ладилось Зайцеву с ангелобродом — с ним специально занимались направленные комитетом комсомола студенты-шефы Миролюбовая и Павловички. Когда Зайцев садится за уроки, в комнате наступает тишина: товарищи стараются не мешать ему. Удивительно это, конечно, не приходится. Это тоже наша советская действительность, обычные нормы социалистического общежития.

А разве сам он, Зайцев, поступает не так же? В общежитии есть немало учеников вечерней школы, и Зайцев постоянно помогает им. За долгие до экзаменов он организовал группу в девять человек, с которой занимался регулярно. Отчего же не помочь товарищам!

День, когда университет пришло официальное сообщение о том, что Иван Зайцев зачислен студентом 1-го курса геологического факультета, был праздником для всего коллектива цеха, где работает Зайцев, для всего заводского комсомола. Зайцева сердечно поздравил директор завода, теплое внимание дали ему в партком.

— Смотри, Ваня, не забывай, что ты воспитанник нашего завода. Мы тебя в люди вывели, в университет послали. Береги же честь заводской марки.

Но говорилось это больше для профформы. На заводе хорошо знают: на такого человека полагаться можно. Зайцев, если за что уж возьмется, доведет до конца. Быть Зайцеву геологом!

* * *

«Восемьсот человек». Такие разные и всё же такие родные и близкие. Они твердо знают, чего хотят, к чему стремятся. Пусть идут они различными тропами и дорожками, но ведь все они, пути эти, ведут к одной цели, выше которой нет ничего на земле, — к коммунизму.

В ОДНОМ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Когда ремесленник Игорь Ильинский в первый раз важно назвал свое имя, ребята рассмеялись.

— Игорь Ильинский? Вот здорово! Ты, случаем, не родственник московскому артисту? Игорь подумал, сдвинул треугольничком белесые брови. Собственно, терять ему было нечего.

— Как вам сказать... Вообще-то он мне дядя.

Начало было сделано. А дальше Игоря, как говорится, пошлое. Парень охотно вспоминал такие подробности из жизни народного артиста, что даже рассудительный и самый спокойный из всей группы секретарь комсомольского бюро, он же староста, Гриша Артёмово двинулся.

Игорь сидел на койке и, мечтательно разглядывая потолок, рассказывал.

— Было, спросит дядюшка: «Ну, как, брат, хочешь жить у меня в Москве?». Я говорю: «Нет, уж больно там шумно, да и купаться в Москве-реке не разрешают».

Ребята смеялись, смеялся и Игорь.

— Однажды после одного из подобных разговоров Гриша Артёмово отвёл Игоря в сторону: — Шутим стовишься?

Игорь пренебрежительно свистнул, поморщился.

— Ладно уж, а начисто лезешь? Скажи, что завидуешь. Зависть руки.

Артёмово же начал глазами, сами собой разжалась пальцы.

— Эй? Завидую? Эх, ты. Соловьиная ты голова...

— Гриша махнул рукой, торжественно бежал вниз по лестнице, где уже строгался первая группа на обед.

Нельзя сказать, что на Игоря разговор с Артёмово произвёл большое впечатление. Парень попрежнему искал новые шутки, как и прежде, радостно, когда вал его проделками смеялась группа. Но было заметно, что теперь уже Игорь меньше шутил на уроках, старался реже оставаться один на один с Гришей Артёмово. Не то, чтобы Игорь побоялся старосты, нет, просто ему было неприятно встречаться с серьёзным Гришей.

Наступила весна. В воздухе запахло тополиной, ребята заговорили о футболе. В спальне рядом с переходящим Красным знаменем и расписанном занятии появились новый листок — таблица розыгрыша первенства стран.

Игорь оказался большим любителем футбола и очень предпринимчивым человеком. Однажды и в спеле он самым серьёзным тоном спросил, не знает ли кто из ребят, за кого болел мастер группы Пётр Маркович. Ребята недоуменно перелюльнулись — этого они не знали. Игорь искренне удивился:

— Как же вы тогда живёте? Эх, узнать бы, за кого он болел, тогда жизнь побойл, как по мислуд! Даже на уроке выключили бы репродуктор и слушали матч.

Ремесленник Генрих Лавров залучиво по-тер-ло и высказал своё предположение:

— Кажется, Пётр Маркович не интересуется футболом.

Игорь с сожалением посмотрел на товарища: — Таких людей не бывает. Каждый сознательный человек обязательно должен болеть. Берусь выяснить, не будь я Ильинский!

Как-то к вечеру группа занималась самоподготовкой. Старших в комнате не было, и ребята немолдно включили репродуктор. На столах остались лежать раскрытые учебники, тетради с недонаписанными формулами закона Ома в Джоуля-Ленша. Группе было не до закона Ома: из чёрной тарелки репродуктора шёл дребезжающий звук с трибуны стадиона «Динамо».

Игорь вогрнулся на стол. Реутор паренёк отчаянно шипел на всех, что хотя бы чуть пошевелится. И вдруг репродуктор умолк. Игорь обернулся и увидел мастера. В руках у Петра Марковича качалась вила со шпуром. Нет, определённо мастер не был «современным человеком».

— Сейчас же по местам, заниматься!

Игорь склонился над учебником и уютным глазом разглядывал спортивную лику мастера.

У парня вырвался вздох:

— Неужели вы ни за кого не болаете?

Ребята молча затряслись от смеха.

Мастер, слегка вид, что ничего не слышал, невесело перелюльнулся классный журнал. Вечером перед сном ребята весело вспоминали этот случай, повторяли слова Игоря: «Берусь выяснить, не будь я Ильинский». Случай паренёк было обиделся, но, заметив улыбку Николая, победил.

На другой день был урок физики. Поля Николай Николаевич усаживался, раскрывал журнал, Игорь лихорадочно листал страницы Фалеса и Пифагора, но едва буквы законца Ома выстрелились в адрес, как вертящийся крепкий кожанный мяч раздался развалом формулу. Мысли паренёка всё ещё были на зелёном поле московского стадиона.

— Ильинский, покажите, а доске.

Это прозвучало в ушах Игоря почти как судейский свисток, объявляющий конец матча. Дальше всё произошло очень быстро. Футбольный мяч бешено завертелся между доской и мелом, метнулся к столу преподавателя и вдруг расплылся, пропал. Вместо него Игорь ясно увидел жаркую дробку против своей фамилии.

Наступило воскресенье. С утра ребята приводили в порядок обмундирование, делали умомарательные причёски.

Игорь потянулся в город вместе с Генрихом Лавровым. Генрих шёл покупать себе складной ножик — будущему монёру это пригодится. Вот и ларёк. Ножей много, какие кошельки — никелированные, хромовые, не пластиковые, рукоятки из дерева, кожаной гал дуду выбирать покупку. Денег у него есть, он тоже может купить ножик, но у него уже имеется. Вот если бы взять бесплатно, принести в училище, рассказать, как ловко он обманул продавца, то-то было смеху! Игорь незаметно кладёт в карман никелированный ножик, повораачивается. Продавец удивленно раскрывает рот:

— Мальчик, а деньги?

Генрих поймав руку товарища, крепко жаял: — Ты что? С ума сошёл?

Игорь, покраснев, кладёт ножик обратно. Вечером Игоря вызывает директор.

В кабинете у него Гриша Артёмово и Генрих Лавров, — значит, уже вывал.

Игорь потянулся, всё рассказал как было.

— Это правда? — спрашивает директор.

— Да, — кивает Игорь.

— Всё, можете идти.

Игорь удивлён: так всё быстро кончилось. Он входит в привычную спальню, ребята уже всё знают, на Игоря никто не смотрит.

— Ребята, яблечник — это не по-товарищески!

Игорю не отвечают. Гриша сел за стол, зачитывая все тутумные гимнастерки.

— Комсомольское собрание группы состоится открытым...

Тихо прошли в угол спальни мастер Пётр Маркович и директор. Игорю пришлось — та же невозможность поднять голову, тинет книгу.

Первым говорит Гриша:

— Наша вина в истории с ножиком. Мы всё подумывали да жехкивали, не обидели товарища. А дело воле куда обернулось. Сначала двоек, потом этот ножик. Теперь пятно на всю группу, а всё учебные. Как же мы теперь можем говорить о чести группы?

А потом говорит мастер. Но что он говорил? Игорь даже поднял голову, выпрямился. Нет, он просто остался.

В позавчерашнем году в последнем матче на первенство страны игрок ЦДКА Кочетков бьёт гол в свои ворота... не спеша рассказывает Пётр Маркович... Кочетков за одну секунду свёл на нет огромное напряжение всего коллектива. Считанные минуты оставались до кон-

ца этого матча. Это о футболе. А что же в группе? Оди из нас бьёт два позорных мяча. Попадет ли он это? Сможет ли поправить дело? Шутю по здесь скажет.

Все повернулись к Игорю и увидели влажные мальчишеские глаза.

— Уже поздно вечером Игорю, укладывались спать, заметал, как Гриша Артёмово постоял около репродуктора, потом включил его и повернулся к ребятам. Из Москвы передавала грамзапись воскресного матча. Бодрые звуки спортивного марша заполнили комнату. По-слышался знакомый голос диктора:

— Игра началась. Счёт — ноль — ноль.

И вдруг Гриша улыбнулся хорошо, тепло. Игорь понял улыбочку, закрылся одеялом, подоткнул все щеочки, как это любил делать в детстве, остался наедине сам с собой. О мном предстояло пережить в эту ночь. Зачем смешил ребята? Зачем шутом прикидывался? Разве в этом настоящий артист? А что если терять ребята от него отвернутся, дружить не станут?

После памятной ночи Игорю ходил один: стылался паренёк походить к товарищам, оттого и убегал в перемы в библиотеку и там, зарывшись в книги, тихо листал их, пробегал странички невнятных глазами. И не знал того Игоря, что за ним следят товарищи, о чём-то догадываются его друзья.

— Пусть побудет один, поумает, — решил мастер, — сейчас его не трогать. Раю.

А вскоре Игорю не удержался. Неудержимо потянуло к друзьям. Случилось это на самоподготовке. И хотя стыдился Игорь, но всё же, возмущённо спросил:

— Ребята, как понимать закон Ома? Товарищи охотно подсели к Игорю, зашептели тетралыми.

— Вот смотри. Это сила тока, а это — напряжение.

— Если сопротивление большое, то сила тока какая будет? А?

— А от чего это зависит? Вот смотри сюда...

— Да нет, не так. Ну, ничего ты не понял. Давай, списывай.

А Игорю и впрямь ничего не понимал. Ему было очень хорошо. На сию току, их сопротивление он не видел: всё заткнули участливые лица товарищей.

И так день за днём зарывались ребята с Игорем. Он уже оид почти весь учебник, а Николай Николаевич его всё не спрашивал. Даже ребята ходили следом за старым физиком и умоляли:

— Ну, спросите его! Он уже всё знает. Дайте дудше, чем сами Фалезе и Пифагору.

И это однажды Николай Николаевич вызвал Игоря к доске. Все группа с волнением следила за рукой Игоря. Одина за другой на доске появлялись формулы. Даже самые сложные доказательства Игорю рассказывал без запинки, приходёшь объяснять Игорю спускался мастер:

— Первый мяч.

А в следующем воскресенье Игорю намистил пуговички до бжека солнца, даже эмблемы на петличках натёр мелом и, строгий, подтянувший вместе с Гришей Артёмово к мастеру.

— Попадёте с нами в город. Я буду извиняться перед продавцом ларька.

И мастер пошёл. Так и шави они по улице все три. Серьёзные, торжественные. А когда возвращались обратно, Игорь спросил мастера:

— А всё-таки, Пётр Маркович, вы за кого болаете?

Мастер серьёзно взглянул в глаза Игоря, положил руку на худенькое плечо паренёка:

— За того болаете, кто не боится.

И никогда с тех пор Игорь не было так хорошо, как в это воскресенье, хотя сегодня Игоря никого не веселил.

г. Иорск.

Ремесленное училище № 2.

А. Желе

Строительство железнодорожного моста в Риге.
(Школьная художественная выставка 1949 года.)

На Пятом международном фестивале, состоявшемся в Праге, первые премии вновь завоевали советские фильмы. «Премии мира» удостоен цветной фильм «Заговор обречённых». Мы воспроизводим кадры из этого замечательного произведения советской кинематографии.

Профессор А. А. КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ

К 15-летию со дня смерти К. Э. Циолковского

Среди великих достижений XX столетия одно из первых мест, несомненно, принадлежит ракетной технике. В годы второй мировой войны на полях сражений появились реактивные минометы, реактивные снаряды и самолеты с реактивными двигателями. Изучение движения реактивных аппаратов становится одной из актуальнейших проблем новой науки — ракетодинамики. Основоположником этой науки, создателем теоретических принципов, на которых зиждется ракетная техника, вдовольным ее проповедником был русский изобретатель и мыслитель, знаменитый деятель науки К. Э. Циолковский.

Константин Эдуардович Циолковский родился 17 сентября 1857 года в селе Ижевском, Спаского уезда, Рязанской губернии, в семье лесничего. Его детские годы были омрачены тяжелой болезнью. Девять лет он заболел скверливой и почти совершенно потерял слух. Глухота не позволила мальчику продолжать учебу в школе. С четырнадцати лет Константин Эдуардович начал заниматься самообразованием, используя книги, которые имелся в библиотеке его отца. Тогда же в нём пробуждается страсть к изобретательству. Он самостоятельно строит воздушные шары из тонкой папиросной бумаги, делает маленький токарный станок и конструирует коляску, которая движется при помощи ветра. Циолковскому было шестнадцать лет, когда отец направил его в Москву для знакомства с промышленностью и с продолжением самообразования.

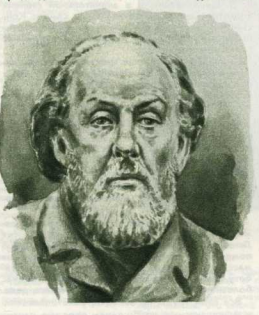
В эти годы зарождается Циолковская мысль о завоевании мировых пространств. Был момент, когда ему показалось, что можно подняться в космическое пространство, используя свойства центробежной силы. «Я был так взволнован, даже потерял аппетит», вспоминает он, — «но не спал целую ночь, бродил по Москве и всё думал о великих следствиях моего открытия. Но уже к утру я убедился в ложности моего изобретения». Разочарование было так же сильным, как и очарование. Эта ночь оставила след на всю мою жизнь...»

В 1879 году Циолковский стал внешним экзаменом на звание учителя народного училища и в 1880 году был назначен на должность учителя арифметики и геометрии в Боровское уездное училище Московской губернии. Работая учителем, Константин Эдуардович начал свои первые научные исследования.

С 1885 года К. Э. Циолковский начал систематически заниматься вопросами воздухоплавания. Он поставил своей задачей создать металлический управляемый дирижабль (аэроплан). Учёный обратил внимание на весьма существенные недостатки дирижаблей с баллонами из прозенной материи: такие оболочки быстро изнашивались, были относительно, обладали весьма незначительной прочностью, не позволяющей их газ быстро теряться вследствие проницаемости тканей. Результатом работ К. Э. Циолковского был труд «Теория и опыт воздухоплавания», в котором даны обоснованное обоснование конструкции дирижабля с металлической оболочкой (железной или медной). Результаты научных изысканий по этому вопросу учёный издал на свои собственные средства.

Циолковскому принадлежит замечательная идея постройки аэроплана с металлическим остовом. В статье, написанной в 1895 году, «Аэроплан, или типлоболовая (авиационная) летательная машина» даны описание и чертежи моноплана, который по своему внешнему виду очень близко подходит к моноплану Виллоу 1909 года, но в главных деталях значительно совершеннее его: в аэроплане Циолковского крылья уже имеют толстый профиль, а фюзеляж — обтекаемую форму. Велика интереса, что в этой статье Циолковский, впер-

вые в истории развития самолётостроения, особенно подчёркивает необходимость улучшения обтекаемости аэроплана для получения больших скоростей. Конструктивные очертания аэроплана Циолковского были значительно совершеннее, нежели более поздние конструкции братьев Райт, Сантос-Дюмона, Вуазена и других изобретателей. Циолковский предвидит значение бензиновых двигателей

К. Э. Циолковский.

внутреннего сгорания, предсказывая, что со временем маленький аэроплан будет успешно конкурировать с автомобилем.

Но ни одна из этих идей Циолковского не получила признания среди правящих кругов в царской России. На дальнейшие изыскания по аэроплану не было ни средств, ни даже моральной поддержки. Об этом периоде своей жизни учёный писал с горечью: «Также работать в одиночку многие годы при неблагоприятных условиях и не видеть нигде ни просвета, ни поддержки».

Циолковский всецело отдаётся исследованию полёта ракеты. При этом учёный идёт естественным путём, последовательно вводя основные силы, от которых зависит движение ракеты. Сначала он объяснил, какие возможности заключает в себе реактивный принцип создания механического движения, и поставил задачу изыскания условий, при которых возможно, что силы тяжести и сопротивления воздуха отсутствуют. Эту задачу называют сейчас первой задачей Циолковского. Движение ракеты в этом простейшем случае обусловлено только процессом отбрасывания (истечения) частиц вещества из камеры реактивного двигателя. При математических расчётах Циолковский вводит предположение о постоянстве относительной скорости отброса частиц. Этим предположением до настоящего времени пользуются все авторы теоретических работ по ракетодинамике. Его называют гипотезой Циолковского. Учёный составляет и подробно исследует уравнение движения ракеты при постоянной скорости частиц отброса и получает формулу, известную сейчас под названием формулы Циолковского. Из формулы Циолковского следует весьма важный практический результат: для получения возможно больших скоростей ракеты в конце процесса горения гораздо выгоднее идти по пути увеличения относительных скоростей отбрасываемых

частиц, чем по пути увеличения относительного запаса горючего.

Детально выяснил, что при помощи реактивных двигателей можно достигать космических скоростей, Циолковский тщательно изучает влияние сил тяжести на полёт ракеты. Движение ракеты по вертикали в поле сил тяжести земли требует выбора оптимального режима работы реактивного двигателя, так как при очень форсированном режиме работы будут большие перегрузки, обусловленные реактивной тягой, а при медленном сжигании топлива ракета может вообще не подняться, ибо реактивная тяга может оказаться меньше собственного веса ракеты. Эта идея Циолковского послужила темой ряда работ советских учёных по определению оптимальных (наивыгоднейшей) режимов движения ракеты в поле силы тяготения.

Циолковский много занимался исследованием сил сопротивления воздуха. Он первый в истории ракетной техники сделал оценки влияния сопротивления воздуха на движение ракеты, и вы будете жителем космического пространства, вы можете направить вашу ракету к любой планете или астероиду!»

Учёный сделал первые вычисления наивыгоднейшего угла подъёма реактивного аппарата, приводящего себя в воздух переменной плотности, но не изучил условия взлёта ракеты с различными двигателями и астероидами и решил задачу о необходимом запасе топлива для возвращения ракеты на землю.

В работах по ракетодинамике Циолковский впервые в истории науки определил коэффициент полезного действия ракеты и указал на выгодность реактивных двигателей при больших скоростях движения.

Работы К. Э. Циолковского по реактивному движению не ограничиваются теоретическими расчётами: в них даны и практические указания инженерно-конструктору по конструированию и изготовлению отдельных деталей, выбору топлива, очертанию сопла, разбирается вопрос о создании устойчивого полёта в безвоздушном пространстве.

Ракета Циолковского представляет собой металлическую продолговатую камеру, по форме на дирижабль или аэрозонт воздушного зарижения. В головной, передней её части находится помещение для пассажиров, снабжённое приборами управления, светом, логическими устройствами и запасами кислорода. Основная часть ракеты заполнена топливом (горючим и окислителем). При смешении компоненты топлива образуют взрывчатую смесь. Она загорается в определённом месте, образуя пламя, которое в результате горения горячие газы, вытекают по расширяющейся трубе с огромной скоростью.

Константин Эдуардович заметил обширную программу изучения ракеты, уделяя особое внимание исследованию топлива реактивных двигателей. Он формулировал основные требования к топливам, которым до сих пор руководствуются учёные и инженеры. Эти исследования убедили Циолковского, что достижение больших космических скоростей — очень трудная техническая проблема. Для того чтобы достигнуть космических скоростей при уже известных современных топливах, Циолковский выдвинул в 1919 году новое, оригинальное решение. Он предложил составить (или многократную) ракету, рассчитанную, тогда, и для их подробно математическую теорию.

Идея составных, или многокамерных, ракет вошла в основу полетной, а в основе второй мировой войны состав пороховой ракеты конструировали и изготавливали почти во всех странах и, несомненно, способствовавшие увеличению дальности полёта пороховой ракеты.

В последние годы своей жизни К. Э. Циолковский много работал над созданием теории реактивных самолётов. В его статье «Реактивный аэроплан» подробно выясняются преимущества и недостатки реактивного самолёта по сравнению с самолётом, снабжённым воздушным винтом. Указывая на большие секундные расходы горючего в реактивных двигателях, Циолковский пишет: «...наш реактивный аэроплан убыточнее обыкновенного в 5 раз». Но вот он летит вдвое скорее там, где плотность атмосферы в 4 раза меньше. Тут он будет убыточнее только в 2,5 раза. Ещё выше, где воздух в 2,5 раз реже, он летит в 3 раз скорее и уже использует энергию так же успешно, как винтовой самолёт. На высоте, где среда в 100 раз реже, его скорость в 10 раз больше, и он будет выгоднее обыкновенного аэроплана в 2 раза. Эту статью Циолковский заканчивает замечательными словами, показывающими глубокое понимание законов развития авиационной техники: «За зрелый аэроплан винтового долгие следуют зра аэропланы реактивные, или аэропланы струйного».

Следует отметить, что эти строки были написаны Константином Эдуардовичем за 10 лет до того, как первый реактивный самолёт, построенный в СССР, поднялся в воздух.

После Великой Октябрьской социалистической революции условия жизни и работы Константина Эдуардовича совершенно изменились. В 1919 году он был избран членом Социалистической академии¹. Постановлением правительства ему была назначена персональная пенсия. Комиссия по улучшению быта учёных взяла на себя заботу о Циолковском, обеспечив ему удовлетворительные условия жизни в тот весьма трудный и напряжённый период гражданской войны.

Правительственные и общественные организации неизменно оказывали помощь Циолковскому в издании его работ. За годы 1917—1935 было издано в 4 раза больше статей, брошюр и книг Циолковского, чем в предшествующий период его деятельности. За 7 лет, с 1925 по 1932 год, было опубликовано

¹ Социалистическая академия была организована в июне 1919 года. В 1923 году она была переименована в Коммунистическую академию. В 1936 году основные институты Коммунистической были переданы Академии наук СССР.

около 60 работ Циолковского, посвящённых физике, астрономии, механике и философии.

Последовало внимание партии и советского правительства к научно-исследовательской работе Константина Эдуардовича способствовало широкой известности и признанию его работ. Переводы статей Циолковского стали появляться и в зарубежных журналах. Уравнениями и формулами Циолковского посвящаются специальные дискуссии, его работы по космическому полёту и межпланетным путешествиям находят талантливых продолжателей и исследователей. Группы и общества по изучению возможностей космических путешествий создаются в ряде стран (Германия, Англия, США), начинается экспериментальная и конструкторская работа.

Идея межпланетных путешествий была тем творческим стимулом, который объединял значительные коллективы учёных и изобретателей. По существу, тот колоссальный прогресс ракетной техники, свидетелем которого мы все являемся, был начат полвека тому назад К. Э. Циолковским и в значительной степени подготовлен исследованиями как самого Константина Эдуардовича, так и его многочисленных последователей в тридцатых и сороковых годах нашего века.

Циолковский перестал чувствовать себя одиночкой. Чрезвычайно характерно для новых настроений Константина Эдуардовича его известное письмо к товарищу Сталину, которое он отправил 13 сентября 1935 года:

«Москва, ЦК ВКП(б) — вождю народа товарищу Сталину.

Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, товарищ Сталин!

Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперёд. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принёс признание трудам саможучим; лишь Советская власть и партия Ленина — Сталина оказали мне действительную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако, сейчас болезнь не даёт мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетопланию и межпланетным сообщениям передало партии большевикам и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

Всей душой и мыслями Ваш, с последним искренним приветом всегда Ваш.

К. Циолковский.

Большой Константин Эдуардович был чрезвычайно благодарен за ответную телеграмму нашего вождя.

Товарищ Сталин писал: «Знаменитому деятелю науки товарищу К. Циолковскому.

Примите мою благодарность за письмо, полное доверия к партии большевиков и Советской власти.

Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу трудящихся.

Вашу Вшшу руку.

И. Сталин.

Великая Октябрьская социалистическая революция была той могучей силой, которая дала в 60-летие Циолковского, новые творческие дарования. Его талант вылезал во все моменты и блески. Он предстал перед современниками как замечательный области человеческого знания, новой науки, новой отрасли промышленности.

Великий патриот земли русской, Константин Эдуардович Циолковский не жалел сил для своего народа, для процветания советской Отчизны. Он безгранично верил в творческие силы советского народа, в его будущее, в его славу, — писал Циолковский, — слабая попытка предвидеть будущее авиации, воздухоплавания и ракетоплания. В одном я твердо уверен: первенство будет принадлежать Советскому Союзу.

Капиталистический мир долгие годы замалчивал и замалчивает Циолковского. Это не случайно, ибо сказать о Циолковском — значит сказать о величии русской науки. Мы прочли ряд научно-популярных книг и научно-коммунистических трактатов, вышедших за границы в последние 5—6 лет. Единственно, о чём иностранцы считали нужным упомянуть, — это о нашей русской «кашто», её предпринимателем как одно из необычных чудес этих стран русских. А о том, что русские умют мыслить оригинально и самостоятельно, что русские создали теоретические основы в сех реактивных аппаратах, задолго до работ зарубежных учёных, что русские дали ракетодинамику тот необычайный размах, ту глубину заключений, которые характерны для бесмертных творений человеческого ума, — об этом все авторы «скромных» упоминают. Однако замалчивает Циолковского невозможном.

Исполнилось 15 лет со дня смерти замечательного учёного. Советские люди свято чтят его память, и старается своим великим соотечественником. С каждым днём наша учёная всё шире развивают идеи, выдвинутые Циолковским, помогают внедрять реактивные двигатели во все области человеческой практики, стараются сделать их орудием великих технических преобразований.

«ПОЛНАЯ ГАРМОНИЯ...»

Рис. Г. Вальфа

Замечательный американский писатель Марк Твен (Самуэль Клеменс) был яростным противником американского империализма. В своих романах и выступлениях Марк Твен беспощадно бичевал современных ему гангстеров и политических авантюристов.

Не избежал этой участи и материальный поджигатель войн твердолобый Уинстон Черчилль. В начале своей грязной политической карьеры, погнав лаяла на огни захватнической войны Англии против маленького свободолюбивого бурного народа, Черчилль в июне 1900 года приехал в Америку. Приезд его совпал с завершением предельской интервенции Америки против филиппинского народа, а также с подавлением империалистическими странами во главе с Англией и Америкой боснийского восстания в Сараево.

Пользуясь правом почётного председателя на званом обеде, Марк Твен представил собравшимся Черчилля в короткой и весьма охладитель речи, которая приводится ниже.

«В течение многих лет я был добровольным проповедником дела единения Америки и натуралик-метрополиан. Они должны объединиться!»

Вот вам, Америка, убеждение всех угнетённых отсюда [т.е. конечно, кто может оплатить пятисотдолларовое право въезда] — всех, кто бы они ни были, за исключением ки-

тайцев; Америка, всуду аступающая за права человека и даже помогающая свободному взгляду в ней китайцев, когда желает накопить пятисотдолларовик за их счёт. А вот вам Англия! Как бескорыстно боролась она за открытые двери? Да все! И как истово Америка боролась за те же открытые двери во всех случаях, когда эти двери — не её собственные!

Да, как проповедник, я пел мои гимны хвалы. И всё же я думаю, что Англия совершила грех, когда заваяла в Южной Африке войну, которой могла бы избежать, также как совершила грех мы, вмешавшись в такую же войну в Филиппинах.

Мистер Черчилль по отцу — англичанин, со стороны матери он американец — смешь, которая, без сомнения, делает совершенного человека!

Англия и Америка. Да, мы родня. А отныне, когда мы — родня и во грехе, уж больше нечего и пожелать! Гармония полная, смесь — совершенная!»

ЛЕГКОАТЛЕТЫ

Мастер спорта Е. ПОНОМАРЕВА

Спортивное лето близится к концу. Поздн осталось множество соревнований. Всё больше и больше становится чемпионатов СССР 1950 года. Во второй половине сентября в Киеве предстант крупнейшее соревнование сезона — на первенство Советского Союза по легкой атлетике. И этот период генеральных сватов наших легкоатлетических сил оглянемся назад, вспомним, что же интересного было на стадионах.

Самое примечательное — наступление молодежи. Многие молодые спортсмены ни в чём не уступают признанным мастерам.

Приход, впрочем, не намерены так легко сдаться свои позиции. Напротив, стремительно идущая вперед молодежь как бы подталкивает «стариков», и они молодую силу прогнозируют оптим, закладывая технику, что приводит к высоким результатам, и новым рекордам.

И ещё одна особенность, присущая только советскому спорту, особенность, которая может родиться только у нас, в стране строящегося коммунизма, в стране, где взаимоотношения между людьми создаются на новых началах. Речь идёт о тех тренерах, которые ещё продолжают выступать.

Многолетний чемпион СССР в беге на короткой дистанции москвич Николай Карулов увидел в приходе на Ады-Аты молодого спортсмена Владимир Сухарева достойную себе замену, он предостерегал Сухарева тренироваться вместе, предупреждал его, что предостерегал кропотливо, требующая терпения и настойчивости, за знаниями никак не отступлений от намеченного плана работа.

Николай Захарович Карулов знал и чувствовал, как никто другой, что именно его ученик Сухарев раньше других опередит на гребной дорожке самотеку. Так и случилось. В нынешнем сезоне Владимир Сухарев — самый быстрый в беге на 100 и 200 метров. Показавший на Карулова и Карулову стартует вместе, и теперь каждый раз ученик побеждает учителя и после соревнований с ещё большей усердием выполняет указания учителя.

На соревнованиях в честь Дня физкультурника Сухарева повторил

рекорд Карулова, а пробежал 100 метров за 10,4 секунды, а 200 метров он пробежал за 21,4 секунды. Именно это рекордное время рекорда ленинградца Р. Льюиса, установленного четырнадцать лет назад.

Неоднократный чемпион СССР в беге на короткой дистанции Николай Озолин в прошлом году в соревнованиях на первенство Москвы впервые он проиграл молодому легкоатлету Борису Сухареву. Озолин поздравил победителя, крепко пожал ему руку и сказал, что это — только начало.

Борис Сухарев переехал в Москву из Курска в прошлом году. Его знают как сильного прыгуна в высоту: в 1948 году он прыгнул на 1 метр 87 сантиметров.

Прискакивая к Сухареву, Озолин посоветовал ему перейти на прыжки с шестом. Начались дни долгих тренировок. Нельзя сказать, чтобы Сухареву легко давались прыжки. Иногда он недоумевал: «И с чем это Николай Георгиевич решил, что из меня получится шестовик?»

Но воля тренера, знания и способности ученика взяли своё. Всё выше поднимался планка. Наконец она была поднята на 4 метра — рубикон, о котором мечтал Сухарев. И 4 метра были взяты! Озолин всё повторил, что это — лишь начало. И действительно, вскоре Сухарев прыгнул на 10 сантиметров. В нынешнем сезоне во время матча между командами СССР — Венгрия он был впереди Советского учителя. Мы привели только два примера, а можно было бы привести гораздо больше и не только в легкой атлетике.

Но вся тех, кого принято называть ветеранами, в нынешнем сезоне, впрочем, и в следующем году выступают невинными Александр Канани. В прошлом он был известен как чемпион и рекордсмен страны в беге на десятилетия, толкатель ядра, барьерный бег. Это был разносторонний спортсмен.

Когда началась война с гитлеровскими захватчиками, Канани ушёл на фронт. Он воевал храбро, умело. В одном бою он был тяжело ранен в правую руку. Его долго лечили. Искусные хирурги сократили ему руку, но о занятиях спортом запре-

Финиш Ирины Туровой в беге на 100 метров на московском стадионе «Динамо».

тили даже думать. Однако Канани не сдавался. Ещё в госпитале он пробовал двигаться рукой, делал упражнения. Было очень трудно. Но бра да мысль, что иначе ему никогда больше не придётся заниматься спортом, заставляла делать гимнастику с ещё большей энергией. Выписавшись из госпитала, Канани приехал в Москву. Здесь он встретил своего товарища в жизни и соперника на стадионе металлы Леонида Митропольского, отчаянно сражавшегося в партизанском отряде.

«Знаешь, что, Сава», — сказал ему Митропольский, — возьми мой молот. Попробуй потренироваться, я думаю, что дело у тебя пойдёт. Не всё потеряно, ты ещё будешь метанком».

С этого дня Канани начал изучать технику метания молота. Метание молота — трудный и сложный вид легкой атлетки, требующий большой силы и скорости. Спортсмен, взявший в руки молот, раскручивает его над головой, затем выпустит молот из руки, и он, со свистом рассеивая воздух, летит далеко в поле.

В списке десяти лучших метателей мира 1948 года А. Канани занял второе место. Первым был Ивар Невет (Венгрия). В прошлом сезоне Канани метнул молот на 38 метров 35 сантиметров — это был новый всесоюзный рекорд. В нынешнем сезоне Невет метнул на 39 метров 88 сантиметров — это был новый мировой рекорд! Минувшей весной Канани и Невет тренировались вместе в Сочи.

Встреча этих выдающихся метателей произошла на московском стадионе «Динамо» в конце июня. Легкоатлетическим командам СССР и Венгрии. Невет не знал за последние годы соперников. Начала всё серьёзно вступить в борьбу венгров. До шестой, последней попытки впереди был Невет, сделавший бросок на 36 метров 38 сантиметров. Последняя попытка. Канани вложил все свои силы, умение и волю. Молот его улетел на 57 метров 35 сантиметров — предел меток. Победил заслуженный мастер спорта Александр Канани.

Если среди легкоатлетов старшего поколения, последний полтысячи впереди был Невет, сделавший бросок на 36 метров, солдата Анастасия Савинова, победителя бега на 3 тысячи метров с препятствиями, Ирины Туровой. Она родилась в 1933 году, когда Канани был уже опытным спортсменом.

Ирина Турова росла в спортивной семье. Её мать, Галина Филипповна Турова, в недавнем прошлом выдвигавшая легкоатлет, чемпионка и рекордсменка страны. Лишь в юные годы прошлого сезона была победителем в прыжках в длину, установленный в 1934 году. Ирина Турова с самых ранних лет вместе с матерью бывала на стадионах, видела тренировки и матчи, победив, когда она подросла, у неё появились непреодолимые желания научиться бегать так же быстро, как мама.

С начала 1950 года Ирина начала тренировать Борис Николаевич Бзаров, который тогда-то тренировал юную Галину Турову.

В летнем сезоне 1950 года Ирина Турова добилась поразительных успехов. Про неё можно сказать, что она двигается вперед семимильными шагами. Судите сами. В заочном легкоатлетическом матче Ирина быстрее всех в Ленинграде пробежала 100 метров — за 12,5 секунды, во время соревнований научилась бегать так же быстро, как мама. С начала 1950 года Ирина начала повторять ещё два раза на других соревнованиях. И наконец в ознаменовании Дня физкультурника Ирина Турова на московском стадионе «Динамо» опередила Асеху в беге на 200 метров (25,1 секунды) и показала одинаковое время с чемпионом в беге на 100 метров (12,1 секунды). Ирина Турова выполнила норму мастера спорта. Вскоре ей пришлось это повторить дважды.

Впереди у Ирины Туровой большое будущее. Но важно, чтобы у неё не уменьшился запас достигнутых успехов. Начался учебный год, и ученица высшего класса Ирина Турова предостигнет немало побед, чтобы с хорошими отметками перейти в девятый.

Можно было бы назвать имена других зарекомендовавших себя молодых легкоатлетов, как, например, студентки Ленинградского института двенадцатилетнего Евгения Ванюшина, прыгнувшего в высоту на 1 метр 96 сантиметров, студентка Московского университета Ирина Турова, прыгнувшая в длину на 3 метра 11 сантиметров, прыгнувшего в высоту на 1 метр 96 сантиметров, студентка Московского университета Ирина Турова, прыгнувшая в длину на 3 тысячи метров с препятствиями, Ирины Туровой. Она родилась в 1933 году, когда Канани был уже опытным спортсменом.

Рекордсмен мира в метании молота Ивар Невет (Венгрия) поздравляет Александра Канани (СССР) с победой.

Фотос И. Волкова

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

РЫБАК РЫБАКА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА

Артисты рассматривают вопрос об использовании в Корее войск Чан Кай-ши.

Из газет.

Из румынской газеты «Флата капитале».

АМЕРИКАНЦЫ В КОРЕЕ

— Так, пожалуй, все мировые рекорды по плаванью останутся за нами.

Из чехословацкой газеты «Млада фронт».

Свыше 350 миллионов подписей собрано уже под Стокгольмским Вольным и запрещенным оружием.

ОБРЕЧЕННЫЕ

В этом потоке утонут и сами империалисты и их оружие.

Из шведской газеты «Но даг».

У него списывает Макартур формулировки своих военных сводок о «сокращении линии фронта».

Из румынской газеты «Скантиейл».

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

Трювге Ли: — Кажется, кривая диаграммы над вашим больным Макартуром неудержимо падает и югу. Трюмэн — Боюсь самого худшего, поскольку наши морские и воздушные митинги оказались неэффективными.

Из датской газеты «Ланд оф фолд».

ПЕСНЯ БОРЦОВ ЗА МИР

Слова Вл. ХАРИТОНОВА

Музыка Ваню МУРАДЕЛИ

В борьбе единство мы нашли
За прочный мир, за наше счастье.
Вставайте, люди всей земли,
Разведем мы войны ненастье.

Припев:

Вставайте все, вставайте все,
Вставайте, люди доброй воли!
Борцы за мир, тесней ряды,
Наш путь один к счастливой доле!
Борцы за мир, тесней ряды,
Наш путь один к счастливой доле!

Для песни мира нет границ,
Её не снесут торжес садам,
Она сорвёт заминь терниц,
С ней в бой за мир идут народы.

Припев.

Единой волей мы сильны,
За мир смерть присягу дали,
И поджигателям войны
Мы приговор наш подписали.

Припев.

В темпе марша, героически

В борьбе единство мы нашли за прочный мир, за наше счастье. Вставайте, люди всей земли, разведем мы войны ненастье.

Припев

Вставайте все, вставайте все, вставайте, люди доброй воли! Борцы за мир, тесней ряды, наш путь один к счастливой доле! Борцы за мир, тесней ряды, наш путь один к счастливой доле!

Для песни мира нет границ, её не снесут торжес садам, она сорвёт заминь терниц, с ней в бой за мир идут народы.

Припев.

Единой волей мы сильны, за мир смерть присягу дали, и поджигателям войны мы приговор наш подписали.

Припев.

Музыкальная партитура включает вокальную партию (с нотами и текстом), фортепиано (F), виолончель (виола) (виола) и контрабас (контрабас). В начале партитуры указаны темп и манера исполнения: «В темпе марша, героически». Текст песни размещен построчно под соответствующими музыкальными фрагментами. В конце партитуры есть пометки «дан повторение» и «дан окончание».